

ОПЫТ ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В БЕЛЬГИИ

Т. В. Пузевич,

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Юридическая регламентация языка является неотъемлемой частью законодательства большинства современных государств. По данным Дж. Тури, из 147 конституций суверенных государств 110 содержат положения, касающиеся языков [4, с. 37]. Д. Дауст, со ссылкой на группу канадских ученых, приводит следующие данные: положения, так или иначе касающиеся языка, включены в конституции 297 суверенных и несuverенных (non-sovereign) государств [2, с. 446]. Степень разработанности юридических аспектов использования языка, как правило, прямо пропорциональна остроте национально-языковых отношений внутри государства. Бельгия в этом плане представляет особый интерес, поскольку веками длившееся противостояние двух этносов, валлонов и фламандцев, нашло отражение в высокой степени разработанности законов о языке.

В Бельгии сложилась трехязычная языковая ситуация: государственными языками являются французский и нидерландский, немецкий язык является официальным в 9 муниципалитетах, входящих в состав Валлонского региона. В Конституции Бельгии (1994 г.) не прописывается юридический статус языков, однако в статье 189 указывается, что текст Конституции составлен на нидерландском, французском и немецком языках. Интересным является тот факт, что порядок перечисления языков (а также общин, районов и лингвистических регионов страны) зависит от официального языка

Конституции. Так, во франкоязычном тексте Конституции первым упоминается французский язык, в Конституции на нидерландском – нидерландский, а в тексте Конституции на немецком языке, соответственно, немецкий язык [3].

С 1973 г. по решению Фламандского совета по культуре официальным лингвонимом, используемым для обозначения нидерландского языка в Бельгии, является Nederlands (именно данный лингвоним используется и в тексте Конституции). Лингвоним «фламандский язык» (Vlaams / Flemish) используется для обозначения местных фламандских диалектов, распространенных на территории Фландрии (в западной части Бельгии), то есть его не используют для обозначения литературного нидерландского языка в Бельгии.

В современной Бельгии нидерландский и французский языки обладают примерно равной коммуникативной мощностью, такая относительно сбалансированная ситуация поддерживается федеративным устройством страны и сохранением языкового паритета на основе концепции «лингвистического федерализма». По Конституции 1994 г. Бельгия включает три общины: фламандскую, французскую и немецкоязычную (ст. 2), три района: Фламандский, Валлонский, район Брюсселя (ст. 3) и четыре лингвистических региона: регион нидерландского языка, регион французского языка, двуязычный регион Брюссель-столица и регион немецкого языка (ст. 4) [3].

Подобное федеративное устройство во многом является результатом сложных взаимоотношений двух этносов внутри единого государства. Уже с момента создания самостоятельного бельгийского государства в 1830 г. возникает так называемое «фламандское движение» (de Vlaamse Beweging), которое первоначально носило языковой характер и имело целью вытеснение французского языка из сферы официального общения. Впоследствии движение приобрело широкий размах в защиту политических, экономических и культурных прав населения Фландрии.

Офранцузивание населения Бельгии относится к концу XVI в., когда в результате Нидерландской буржуазной революции в северной части распространения нидерландского языка (современные Нидерланды) была создана Голландская республика, а территория нынешней Бельгии осталась под властью Испании. Уже в этот период нидерландский низводится до языка низших слоев населения, что приводит к быстрой утрате нормы литературного языка, а французский становится языком социально привилегированных слоев общества.

Последовательное и планомерное расширение политических, социальных и языковых прав фламандского населения находит отражение в языковом законодательстве страны. С самого начала создания Бельгийского государства в 1830 г. «внутренняя политика Бельгии становится синонимом политики языковой» [1, с. 244].

Конституция 1830 г. не наделяла французский язык особым статусом и гарантировала свободу использования языков. Однако де факто свобода выбора языка распространялась на официальную сферу общения и означала, что государственные служащие могли выбирать язык общения, а поскольку привилегированные слои общества говорили на французском языке и данный язык обладал, несомненно, более высоким престижем, чем нидерландский, французский был единственным языком, используемым в правительстве, юриспруденции, армии, высшем образовании.

Последующие законодательные акты были направлены на повышение статуса и расширение коммуникативных функций нидерландского языка в основных официальных сферах общения: суде, администрации, а также в области образования. Так, закон 1873 г. регулировал использование языков в сфере судопроизводства. Нидерландский становится основным языком судопроизводства на территории Фландрии, однако французский все еще мог использоваться на различных этапах судебного разбирательства любой из сторон.

В 1878 г. принят закон, регулирующий использование языков административными органами Фландрии и Брюсселя. Данный закон, предписывающий использование нидерландского или обоих языков в заявлениях правительства и официальной переписке, фактически не работал, поскольку большинство служащих владело исключительно французским языком.

Закон, расширяющий права фламандцев в использовании родного языка в сфере образования, был принят в 1883 г.: было разрешено использование нидерландского в начальной и средней школе. Однако первый университет с преподаванием на нидерландском языке был открыт в Генте только в 1930 г.

Знаковым в истории Бельгии явился Закон о равенстве 1898 г., наделявший оба языка одинаковым официальным статусом. Таким образом, начало нового столетия было ознаменовано дебатами по поводу альтернативных путей развития страны: в направлении двуязычного государства либо государства с двумя лингвистическими регионами. Был избран второй путь, предполагающий реализацию

территориального принципа и закрепленный законодательными актами 1921, 1930, 1962 гг. Лингвистические регионы формировались на основе родного языка большинства населения, что предполагало проведение переписи населения каждые 10 лет. Результаты переписи являлись основанием для смены лингвистического статуса региона.

С начала 60-х годов XX в. принимаются основные законодательные акты, регламентирующие использование официальных языков в различных сферах. С 1966 г. за исполнением языкового законодательства следит специальная комиссия (Vaste Commissie voor Taaltoezicht), члены которой назначаются королем на срок 4 года. Законы, принятые в 1962 – 1963 гг., регламентируют использование языков в сфере начального и среднего образования, в частности раскрываются механизмы получения образования на родном языке гражданами, составляющими в языковом отношении меньшинство в пределах лингвистического региона. Результатом завершения государственной реформы 60-х гг. XX в. явилось конституционное закрепление в 1970 г. четырех лингвистических регионов страны.

Таким образом, законодательство Бельгии четко регулирует использование языков в официальной сфере внутри лингвистических регионов на основе концепции «лингвистического федерализма». В то же время многочисленные предписания в целом не затрагивают сферу неофициального межличностного общения, где действует конституционное право свободы выбора языка. Однако «пограничная» область между официальным и неофициальным использованием языка остается постоянным источником конфликтных ситуаций.

1. Ле Пер-Зубкова, Л. В. Языковая ситуация в Нидерландах и Бельгии : языковая политика без политиков? / Л. В. Ле Пер-Зубкова // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. – М., 2006. – С. 233 – 262.

2. Daoust, D. Language Planning and Language Reform / D. Daoust // The Handbook of Sociolinguistics. – Blackwell, 2000. – P. 436 – 452.

3. De Belgische Grondwet; La Constitution Belge; Die Verfassung Belgiens // [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.legislationline.org/documents/> – Date of access: 29. 11. 2010.

4. Turi, J.-G. The Official and Non-Official Use of Languages / J.-G. Turi // Language and Society. – Ottawa, 1989. – (26). – P. 37 – 48.